

Григорий Юдин

Мишель Фуко. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьякова. – СПб.: Наука, 2010. 448 с. ISBN 978-5-0202-5439-8.

Григорий Юдин. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, Лаборатория экономико-социологических исследований, Кочновский пр., 3, комн. 406, Москва, 125319, Россия. gregloko@yandex.ru.

Курс лекций, который Мишель Фуко прочитал в 1978–1979 году на созданной им кафедре истории систем мысли, имеет довольно необычную историю рецепции – ее новым звеном стал русский перевод, выполненный Александром Дьяковым. Коллеж де Франс, где Фуко читал лекции, благодаря открытому доступу и бесплатному обучению функционирует как точка публичной коммуникации науки. Но несмотря на то, что курсы Фуко пользовались огромной популярностью и регулярно собирали аудиторию в несколько сотен слушателей, дальнейшее распространение этого материала нередко затягивалось. В ближайшем кругу Фуко было хорошо известно о лекциях по зарождению биополитики и тесно связанном с ними курсе предыдущего года «Безопасность, территория, население». Так, проект Пьера Розанваллона по исследованию истоков либерализма развивался параллельно с работой Фуко и, по свидетельству самого Фуко, способствовал взаимному обогащению (Каплун 2007:9–10). Однако в отсутствие опубликованного варианта огромный потенциал этих курсов как полномасштабной исследовательской программы оставался скрытым. Взрыв интереса к этому материалу несколько неожиданно произошел в начале 1990-х годов в Великобритании. Это увлечение получило название «эффекта Фуко» вслед за одноименной книгой, где были собраны доработанные переводы нескольких публикаций и выступлений Фуко, посвященных генеалогии специфической нововременной правительственной рациональности и, в первую очередь, либерального правления. Кроме того, сборник представлял англоязычному читателю исследования рубежа 1970–1980-х годов, подготовленные рядом авторов под влиянием нового подхода Фуко (Burchell, Gordon, and Miller 1991). Результатом публикации стало развитие англоязычного фукодианства – обширного направления исследований, объединенных тематикой *gouvernementalité* (этот термин имеет множество вариантов перевода на русский язык, из которых наилучшим нам представляется «правительственная ментальность») и либеральных практик управления.

Между тем сами лекции оставались практически недоступны читателю – сборник содержал перевод лишь одной лекции из курса 1977–1978 годов, первоначально опубликованной по-итальянски. Оба курса были выпущены во Франции отдельными книгами лишь в 2004 году, а их англоязычные переводы появились еще тремя-четырьмя годами позже. После этого материал стал доступен для широкой аудитории, и лекции немедленно стали классикой для современной политической философии (Хестанов 2010). Одновременно они дали новый толчок исследо-

ваниям технологий микровласти в медицине, образовании, статистике и других областях социальной жизни.

В причудливых всплесках интереса к «Рождению биополитики» можно заметить некоторую закономерность: лекции привлекают наибольшее внимание там и тогда, где происходит натурализация неолиберальных режимов. Будучи прежде всего ресурсом для критической мысли, генеалогия Фуко позволяет релятивизировать не только конкретные тактики воспроизводства власти, но сам объект управления как исторически случайный диспозитив знания-власти. Археологическое изыскание истоков неолиберального порядка ценно тем, что позволяет указать на его границы, что особенно важно как раз тогда, когда границы пропадают из поля видимости вследствие естественности этого порядка, когда соответствующей ему эпистеме удается утвердить себя в качестве самоочевидности. Так, тот факт, что «эффект Фуко» в Британии возник прежде, чем было осознано значение «Рождения биополитики» во Франции, связан с тем, что в 1980-е годы на Альбионе приобретался опыт длительных и травматичных консервативных преобразований, в то время как во Франции надолго установилась власть социалистов (Донзло и Гордон 2008). Аналогичным образом в начале XXI века реконструкция биополитики вписалась в контекст критики неолиберализма как господствующей модели мироустройства.

Стоит отметить, что Фуко оперирует понятием «неолиберализм», которое несколько отличается от распространенного в социальных науках. Обычно неолиберализм рассматривают как идеологию или модель устройства политической системы и определяют через параметры проводимой экономической политики (см., например: Harvey 2005:2). При разграничении либерализма и неолиберализма речь обычно идет о различиях в подходах к ограничению государственных интервенций в экономику. Для Фуко, однако, интерес представляет сама постановка вопроса о вмешательстве государства в естественное функционирование рыночного механизма: именно вокруг этого вопроса организуется специфическая рациональность либерального управления (с. 27). Принципиальной новацией неолиберализма является технология превращения рыночной экономики в «принцип, форму и модель государства» (с. 152). Это дается ценой отказа от веры в рынок как естественный механизм саморегуляции, который неизбежно возьмет свое при условии отсутствии злоупотреблений со стороны центральной власти – напротив, рынок и конкуренцию следует насаждать и поддерживать. Из-под либерального государства, верного политике *laissez-faire*, во второй половине XX века вырастает новое, активное и агрессивное государство, разрабатывающее аппарат производства и воспроизводства рыночной конкуренции. Сила такого государства оказывается в прямой зависимости от объема отношений, которые удается переподчинить рыночному механизму.

Таким образом, если руководствоваться схемой Фуко, неолиберальный режим можно опознать не столько по мерам государственной политики в той или иной сфере, сколько по практикам производства особого субъекта, адекватного рыночной организации, – субъекта, который одновременно является объектом неолиберального управления. Такой субъект представляет собой новый антропо-

логический вид, хотя он и описан еще в классических трудах по политической экономии – это Ното оесопотісис, который является необходимым дополнением рыночной институциональной организации взаимодействия. При этом, однако, Ното оесопотісис неоллиберализма существенно отличается от своего предшественника: если в либеральной теории модель человека описывала главным образом взаимодействие с контрагентом, основанное на принципах утилитаризма, то теперь те же принципы обращаются вовнутрь, и речь идет о том, чтобы смоделировать отношение человека к самому себе. Это отношение оказывается ресурсным подходом, восприятием себя как предприятия, которым необходимо управлять в целях максимизации полезности (с. 285). Соответственно, эффективность неоллиберального управления зависит от производства такого самопредпринимателя как источника и точки приложения властных техник. Неоллиберализм – это не столько модель отношений между управляющими и управляемыми (хотя у него есть свои бенефициары и он способен порождать колоссальное неравенство), сколько фабрика по производству нового человека, которая обеспечивает взаимозаменяемость господствующих и подчиненных, объединенных общей рациональностью.

Эта специфическая рациональность, эпистемическое содержание неоллиберализма, формируется при активном участии экономической науки. В рамках анализа генезиса либерализма Фуко указал на политическую экономию как новую форму знания, соответствующую новой практике правления; соответственно, трансформация либерализма в неоллиберализм связана с важными сдвигами в научном знании. Фуко рассматривает немецкий ордолиберализм и чикагскую экономическую школу в качестве когнитивных оснований для двух основных ветвей неоллиберализма, немецкой и американской. Основной вопрос, который возникает в этой связи, состоит в том, каким образом научная теория может начать эффективно функционировать как составляющая аппарата власти (знания-власти). В «Рождении биополитики» содержатся лишь возможные варианты ответа на этот вопрос: Фуко пристально анализирует функционирование объединений неоллиберальных экономистов (таких, как коллоквиум Уолтера Липпмана), их связь с политическими деятелями, участие в реформах и влияние на содержание идеологических текстов. Однако в соответствии с децентрированной моделью власти самого Фуко логично ожидать, что экономическое знание будет проникать в повседневные практики не «сверху вниз», но через малозаметные каналы нормализации обыденной жизни. Как выглядят эти каналы? Каким образом, например, теория человеческого капитала может способствовать развитию само-предпринимателя в ком-то, кто никогда не слышал о Гэри Беккере? Такого рода вопросы формируют круг методологических проблем, открывшихся после появления программы исследования неоллиберальной правительственной ментальности.

В рецензии на перевод нельзя не сказать несколько слов о самом переводе. Благодаря усилиям переводчика и издателей у русскоязычного читателя появилась возможность прочесть ставшую уже классической работу не с безнадежным опозданием, а в момент, когда она еще только оказывает свое формирующее воз-

действие на мировую социальную науку. В то же время стремление ускорить публикацию перевода привело к заметной спешке при его выполнении. Это становится очевидным уже из того, что в переводах курсов 1977–1978 и 1978–1979 годов, последовательно вышедших в одном издательстве, не произведена сверка понятийного аппарата – одни и те же термины переводятся совершенно по-разному, притом что речь идет фактически об одном материале, разбитом на два года. Что касается собственно перевода «Рождения биополитики», то изрядное количество неточностей можно обнаружить уже на первой странице первой лекции – это и странные решения при переводе терминов, которые как минимум требуют объяснений («государство полисии» вместо «полицейского государства»), и вымарывание целых смысловых единиц («ограниченность государственных интересов» для передачи «*objectif limité du gouvernement de la raison d'État*»), и введение новых смыслов, отсутствующих в оригинале (читатель будет долго догадываться, на что намекает таинственная формулировка «определенное измерение управления людьми», в то время как в оригинале просто употребляется выражение «*dans la mesure où...*» – «в той мере, в которой...»). К сожалению, весь перевод изобилует такого рода неточностями, так что главной ценностью здесь, пожалуй, стоит признать сам факт его своевременной публикации.

В какой степени публикация на русском курсов Фуко, посвященных генезису либеральной и неолиберальной власти, связана с пониманием опасности неолиберализма в России или с реальным осознанием единства проблем российской и глобальной политической жизни? Это покажет только их дальнейшее использование. Несомненно, этот материал открывает возможности для более глубокого понимания неолиберализма, анализа тех изменений, которые он производит на уровне базовых социальных связей, а также для поиска его пределов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Донзло, Жак и Колин Гордон. 2008. «Управление либеральными обществами – эффект Фуко в англоязычном мире». *Логос* 2:3–20.
- Каплун, Виктор. 2007. «Пьер Розанваллон. Неустрашимость политического». С. 5–23 в *Утопический капитализм. История идеи рынка*, под ред. Пьера Розанваллона. М.: Новое литературное обозрение.
- Хестанов, Руслан. 2010. «Арканы либерального правительства». *Прогнозис* 1:211–235.
- Burchell, Graham, Colin Gordon, and Peter Miller, eds. 1991. *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*. Chicago: University of Chicago Press.
- Harvey, David. 2005. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press.